

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-200-218

ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ЕДИНСТВО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДОВ

Ю.А. Гаврилова

Волгоградский государственный университет

Институт права

400062, Волгоград, Россия, пр. Университетский, д. 100

Проблема юридической интерпретации в российском правоведении характеризуется чрезвычайно широкой палитрой мнений: от формально-догматических до постмодернистских. Каждый ученый пытается видеть в интерпретации что-то «свое». Ряд ученых полагает возможным дискутировать о терминологии вопроса, в частности, о разграничении «интерпретации» и «толкования». Другие считают целью изучения интерпретации нахождение оптимальных путей понимания изданных в государстве законов. Для третьих интерпретация интересна тем, что лежит в основе усмотрения должностных лиц в ходе практической деятельности по решению правовых споров, при этом встают вопросы пределов интерпретации. Для четвертых интерпретация имеет статус мировоззренческого инструментария решения социальных проблем, например, в конституционном судопроизводстве. Современное доктринальное состояние проблемы интерпретации отстает от потребностей законодательства и практики правового регулирования. Поэтому внесенные изменения в паспорт научной специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, выделившие юридическую интерпретацию как самостоятельный метод исследования права, требуют должного научного внимания.

Цель статьи — дать авторское обобщенное представление о месте и значении юридической интерпретации в современном российском праве на материале имеющейся научной литературы. Методы исследования: формально-юридический, анализа и синтеза, моделирования, экстраполяции.

Результаты исследования. Вековые споры по поводу юридической интерпретации среди ученых и юристов-практиков, философов, политиков объясняются полисемичностью термина «интерпретация», которая позволяет его рассматривать, по версии автора статьи, в двух принципиальных значениях: узком и широком. В узком языковом значении интерпретация — это совокупность лингвистических приемов анализа правовых текстов. В широком дискурсивном понимании интерпретация — это восприятие, перевод (расшифровка) и извлечение смысла любых правовых феноменов. Отдельно выделены методологические и деятельностные аспекты этой проблемы, акцентирующие внимание соответственно на современных подходах к интерпретации явлений всей юридической жизни общества как составной части юридического дискурса и традиционных подходах к интерпретации как специальной деятельности, направленной на понимание смысла текстуально закрепленных правовых норм с помощью особых технико-юридических средств. Сделан вывод, что обобщающее рассмотрение юридической интерпретации в современном российском праве необходимо в единстве методологического и деятельностного аспектов.

Ключевые слова: юридическая интерпретация, методология исследования права, деятельностный подход, правовой текст, юридический язык, коммуникация; речь, юридический дискурс, смысл права

I. ВВЕДЕНИЕ

Для правоведения юридическая интерпретация представляет повышенный интерес и является актуальным объектом исследования. Без юридической интерпретации невозможен процесс правового воспитания и получения юридического образования. Интерпретационная деятельность становится обязательным условием формирования общекультурных и профессиональных компетенций будущих специалистов-юристов. Распространение феномена глобализации в правовом пространстве современного мира создает научный потенциал изучения феномена интерпретации на уровне юридической компаративистики, например, при оценке эффективности осуществления правосудия в различных государствах.

Принято считать, что юридическая интерпретация, в отечественном праве также — «толкование», служит элементом догматического (формально-юридического) метода познания права (Syrykh, 2014:328). В соответствии с изменениями, внесенными в паспорт научной специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, юридическая интерпретация впервые выделена отдельно и провозглашена самостоятельным методом исследования государственно-правовых явлений. В системе исследовательских средств современной социогуманитаристики интерпретация — это явление, которое интегрировано в структуру любой юридической деятельности, представляет собой внутренний неотъемлемый компонент юридического дискурса. Этим и определяется новое методологическое значение юридической интерпретации, в отличие от традиционного деятельностного подхода, когда она рассматривается как самостоятельная разновидность юридической деятельности, направленная на познание и объяснение смысла правовых текстов. Однако строго разделять, где имеет место традиция, а где новация, в сфере юридической интерпретации вряд ли уместно, поскольку в повседневной жизни они находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Поэтому в настоящей статье мы исходим из положения, что необходимо единство методологического и деятельностного аспектов в понимании этого древнейшего юридического ремесла.

Думается, что с глобальной точки зрения можно выделить две современные концепции юридической интерпретации: *языковую и дискурсивную*. Причем наличие в составе второй концепции отдельных компонентов иной методологии: герменевтической, феноменологической и т.п. не изменяет сущность дискурсивного подхода. Объектом языковой юридической интерпретации является *смысл правового текста*, т.е. информационное содержание, определяемое диапазоном значений, входящих в него слов и предложений, его внутрисистемным контекстом, а также местом и ролью в правовой системе общества. В первую очередь здесь подразумеваются *официальные правовые тексты*, то центральное место и значение, которое они имеют в общей системе легальных источников права (Конституция государства). Вместе с тем важное воспита-

тельное и правоориентирующее значение имеют *неофициальные правовые тексты* (комментарии к законам, учебники по праву и т.д.).

Напротив, объектом дискурсивной юридической интерпретации выступает либо *смысл права в целом*, либо *смысл того явления правовой действительности, которое интерпретируется как имеющее нетекстуальную форму*: правосознание, правовое поведение, субъективные права и юридические обязанности т.п. В то же время все эти явления по отношению к правовому тексту могут: 1) непосредственно предшествовать ему (судебный процесс предшествует составлению текста и вынесению приговора); 2) параллельно следовать подготовке правового текста (описание и оценка доказательств в совещательной комнате на основе внутреннего убеждения судьи при изложении решения в письменной форме); 3) возникать после оформления правового текста (распоряжение судьи об исполнении приговора). В связи с этим косвенным, опосредованным объектом дискурсивной юридической интерпретации может также являться *смысл правового текста*. Отсюда правовой текст — это связующее звено для двух этих концепций, хотя он и не выступает для них общим объектом познания.

II. ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И СМЫСЛ ПРАВОВОГО ТЕКСТА

В лингвистической науке идут давние споры о соотношении языка, текста и дискурса. Признается, в частности, что текст и дискурс не тождественны между собой. Дискурс — это более широкое по объему понятие, включающее в себя текст и его экстралингвистическое окружение: социальную атмосферу, идеологию, личные установки и т.д. (Fairclough, 2003:18–38). Дискурс имеет более специализированный характер. Он охватывает определенный круг членов профессионального или экспертного сообщества, которые мыслят одними и теми же концептами, говорят на одном и том же языке, в отличие от общих языковых правил, самостоятельно разрабатывают правила формирования и использования профессионального терминологии и концептуально-понятийного аппарата. В этой коммуникативной среде проявляются особенности и пределы частнонаучного, монодисциплинарного мировоззрения, поэтому различаются экономический, политический, религиозный, медицинский и др. разновидности дискурса, среди которых, конечно же, юридический дискурс. Но дискурс — далеко не совершенное понятие, а известной противоречивостью отличаются два хрестоматийных его определения: «дискурс — это речь, погруженная в жизнь» (Agutyunova, 1990:136) и «дискурс — это текст, помещенный в определенный контекст» (Van Dijk Teun, 1977:3, 228–231). Как видно, в первом случае сущность дискурса сводится к речи, а в другом — к тексту.

Имеют ли текст и дискурс общие черты, возможно ли между ними сходство? В общей теории языкознания утверждается, что тексты статичны, могут создаваться в процессе дискурса (промежуточные тексты) и как результат язы-

ковой деятельности (итоговый текст). Созданный же текст выступает непосредственной основой для нового дискурса и т.п. Их единый анализ в праве должен идти не столько по линии «статика — динамика», сколько в плане соотношения «абстрактное — конкретное». Это более всего соответствует атрибутам права как универсального инструмента социального управления: быть одновременно общим регулятором для всех и индивидуально-определенным регулятором для участников данной жизненной ситуации (Vlasenko, 2014:63).

Поэтому, думается, что для правоведения вышеуказанные споры не являются столь принципиальными, поскольку здесь понятия текста и дискурса могут использоваться как взаимозаменяемые. Текст — это, прежде всего, абстрактная языковая категория, построенная по формальным законам лексики, морфологии и синтаксиса, которые приняты в данном лингвокультурном сообществе. И языковая интерпретация нацелена на выявление «*абстрактного*» *смысла правового текста*. В тех же случаях, когда текст помещается в определенную ситуацию использования, некоторый контекст словоупотребления, он трансформируется в дискурс. И, следовательно, понятие дискурса в праве производно от юридического текста, а дискурсивная интерпретация опосредованно связана с постижением «*конкретно-ситуативного*» *смысла правового текста*. В итоге юридический язык, правовой текст и юридический дискурс не поглощают друг друга как род и вид, а соотносятся между собой как взаимно пересекающиеся множества.

Единственной работой в советский период, посвященной проблеме правового текста, была изданная в 1983 г. монография И.Н. Грязина. Для своего времени данная работа была серьезным методологическим «прорывом», в котором автор сумел предвосхитить многие современные проблемы юридической интерпретации: знаковая природа права и его связь с культурой, толкование права в контексте всей познавательной деятельности, учет социально-культурной детерминации этих процессов и пр. Тем не менее, на наш взгляд, автор не смог последовательно через всю работу провести идею отличия текста права от смысла права. В большинстве познавательных ситуаций человек не «воспринимает правовые тексты», а интерпретирует смыслы правовых явлений, где текст является одной из форм выражения этих смыслов, но не единственной формой (Gryazin, 1983:156).

Между тем в современной юридической науке правовой текст — это понятие по-прежнему сложное и неоднозначное, ибо единого и устоявшегося определения текста нет даже в «родном» пространстве лингвистической науки (Halperin, 2006:8–26). Согласно одной из возможных трактовок правовой текст означает целостную совокупность последовательно взаимосвязанных между собой вербально-знаковых единиц, выражающих законодательную или иную авторскую мысль по определенным тематическим вопросам государственно-правовой действительности и характеризующихся смысловой завершенностью (законченностью).

Правовой текст имеет интегративную языковую и коммуникативную природу. С точки зрения языка текст, как способ фиксации наших знаний о предмете мысли, состоит преимущественно из отдельных предложений, составляющих в совокупности законченную мысль. Но такой правовой текст, созданный в результате индивидуального авторского творчества, — это и монологическая письменная речь автора, непосредственно не направленная на конкретного собеседника, а рассчитанная на потенциально неограниченный круг читателей (слушателей), поэтому имеющая коммуникативный эффект: научный комментарий к закону. С точки зрения дискурса текст в качестве способа выражения мысли состоит из отдельных высказываний на языке данного социума (правозащитная речь) и с самого начала представляет собой определенное письменное или устное сообщение для других лиц: произнесение, говорение, рассуждение и пр. Следовательно, правовой текст — это не только языковая когнитивная структура, но и сложная коммуникативная единица, несущая определенный смысл, обращенная к адресатам действия этого текста, в том числе к широкой массовой аудитории (медiateкст).

С учетом общей классификации правовых текстов (официальные и неофициальные) выделим следующие основные их разновидности: *нормативные, тексты в сфере правоприменения, доктринальные и художественные тексты*. Все они требуют отдельного и тщательного рассмотрения. Главной чертой нормативного правового текста является деонтологическая основа его составления и формулирования в виде нормативно-правовых модусов: «разрешено», «запрещено», «допускается», «обязан», «предписано» и т.д. (Chernobel, 2011:123).

Особенность текстов в сфере правоприменения в том, что они охватывают не только тексты правоприменительных актов. Можно назвать также: 1) тексты участников правоприменительного процесса: жалобы, ходатайства, заявления; 2) тексты организационно-управленческих актов по вопросам надлежащего понимания и правильного применения закона: обзоры, письма, методические материалы и пр.; 3) тексты средств массовой информации: газетные, журнальные публикации, обзоры и релизы прессы, материалы электронных ресурсов на правовую тематику и др. Правоприменительная деятельность порождает тексты, в большей мере связанные с дискурсом, анализом конкретных правовых ситуаций.

Доктринальные правовые тексты выражают особенности научного стиля речи и сочетаются с элементами официально-делового стиля в сфере правовых отношений. В доктринальных текстах приоритет отдается процедуре объяснения фактов, явлений и событий, перед описанием в других правовых текстах. По сравнению с нормативным текстом научный правовой текст обладает более ярким терминологическим богатством, стремится в предельной понятийной форме осмыслить изучаемые объекты государственно-правовой реальности, отличается распространением сложных предложений, притом что требования к логической связности, убедительности и нормированности речи сближают

доктринальный текст с нормативным. По сравнению с текстами в сфере правоприменения, цель которых состоит в решении определенной практической задачи, доктринальные тексты нацелены на формулирование объективного теоретического знания о правовых явлениях путем эмпирического подтверждения полученных результатов. Для доктринальных текстов наблюдается средняя степень персонализации адресатов. Она иногда больше, чем в нормативных текстах, но сравнительно меньше, чем в текстах сферы правоприменения (вплоть до полной индивидуализации адресата в последних).

В художественных правовых текстах создаются, хранятся и воспроизводятся в культуре литературные произведения юридической тематики. Их отличие от всех предыдущих текстов в их явной эмоционально-оценочной и эстетической направленности, экстраполяции внутреннего мира автора и целенаправленном воздействии на чувства, эмоции, воображение читателя этих произведений. Отмечается иной элементный состав: тема, идея, сюжет, персонажи и т.д. Более того, по сравнению с нормативным текстом, действующим в отношении определенного круга лиц и по одному вопросу (теме), например, персонажи и темы художественного текста многообразны.

Более глубокое проникновение в смысл правового текста возможно при соотнесении языковой юридической интерпретации с определенными уровнями построения этого текста: 1) лексическим; 2) грамматическим; 3) композиционным.

Лексический уровень организации правового текста представлен словами, понятиями, терминами, с помощью которых обозначаются или называются фрагменты социальной действительности, например, в законотворчестве образующие предмет правового регулирования. Правовой текст на лексическом уровне оперирует *лексическими, или предметными значениями* слов, т.е. исторически сложившимися в социальной среде «выжимками» языкового опыта. Значение слова репрезентирует понятие о предмете мысли, но может представлять его в правовом тексте по-разному: все множество объектов действительности или неполное их множество, достаточный объем признаков явления или отдельные свойства и характеристики предмета, содержащиеся в понятии и вербализованные в тексте. Идеальное соотношение лексического значения и понятия констатируется в термине. Юридические термины могут образовываться и включаться в правовой текст путем юридизации общеупотребительных слов, переноса специальных терминов других наук в право, создания их юридической наукой и практикой: терминологизация, транстерминологизация, конструирование (Turaniin, 2018).

В лексике существует понятие многозначности слова. Однако данная проблема, к сожалению, нередко подменяется тезисом о *многозначности* юридических текстов вообще. Утверждается исходная семантическая неопределенность текста права (Neustroyev, 2018:113, 114). В.А. Суслов прямо говорит о двусмысленности любого правового текста и невозможности в связи с этим

обеспечить единообразие правоприменения (Suslov, 2014:56). Данные авторские суждения представляются ошибочными. Во-первых, не ясно, о какой многозначности идет речь: о многозначности языковых средств и конструкций, с помощью которых оформляется мысль автора правового текста, либо о расплывчатости и неопределенности семантики текста. Язык права действительно несовершенен, может не охватить всю мысль полностью, однозначно и непротиворечивым образом. Тогда нужно работать над улучшением качества правового текста. В другой ситуации — наличия пробелов в законе и т.п., — это содержательный изъян текста, но не многозначность выражения мысли.

Во-вторых, требуется по меньшей мере разграничивать официальные и неофициальные правовые тексты, ведь вопрос о многозначности смысла справедлив лишь для последних видов текста. Как правильно подчеркивает Н.Д. Голев, в диссертациях, учебниках, монографиях и научных статьях по праву излагаются субъективные взгляды исследователей на решение правовых проблем общества, поэтому неофициальные правовые тексты отличаются естественной свободой и широкой вариативностью толкования. Что же касается официальных правовых текстов, то их цель — ориентировать субъектов права на единообразное понимание и обязательность исполнения предписанной в тексте законодательной воли. Поэтому официальные законодательные тексты по определению, по смыслу однозначны, в то время как словесные дефекты устраняются в процессе языковой интерпретации права (Golev, 2015:140, 141).

Грамматический уровень организации правового текста описывает порядок словообразования (морфологию) и правила их соединения, связи в словосочетаниях, предложениях и другие языковые единицы (синтаксис). В зарубежной литературе этот уровень анализа текста называется синтактикой (Morris, 1983:48–54). Мы говорим на данном уровне о *грамматических*, т.е. *структурных и функциональных значениях* слов. В синтаксисе слова представлены как части речи, выполняющие определенные функции в предложениях; способы связи между словами в предложении подробно изучены в отечественной лингвистике, например, в сложноподчиненном предложении: согласование, примыкание и управление. В отличие от лексики, грамматика правового текста показывает, не как каждое отдельное слово называет регулируемый аспект действительности, а как данную информацию несет общая смысловая структура предложения. Грамматика — это более сложный уровень текстообразования. Практическое значение правовой грамматики очевидно, поскольку, как правило, она обеспечивает наглядную ясность и понятность авторской мысли, сформулированной в правовом тексте, и культуру правильно организованной письменной юридической речи.

Композиционный уровень организации правового текста — это обобщенный и целостный образ этого текста, который формируется в результате его структурного упорядочивания и внешнего графического оформления. Как любое языковое и речевое произведение, правовой текст имеет типовую организо-

ванную структуру: введение (вступление), основная часть и заключение (вывод). По степени формализации содержания имеются отличия научного, художественного и нормативного правового текста. Максимальная четкость, стройность, логичность изложения материала характерны для нормативного и научного правового текста, а для нормативного текста играют роль также особые графические символы (они встречаются не в каждом научном тексте). Например, в законе нормативный материал распределен по разделам, главам или параграфам, статьям, а в составе статей основной графической единицей является пункт, подпункт или часть статьи, в некоторых случаях — приложения к закону. Композиция нормативного правового текста позволяет придать ему смысловую завершенность (Vlasenko, 2011:87, 88).

III. ДИСКУРСИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ПРАВОВОЙ ТЕКСТ И СМЫСЛ ПРАВОВЫХ ФЕНОМЕНОВ

Языковая интерпретация правовых текстов всегда дополняется дискурсивной интерпретацией смысла феноменов права. Юридический дискурс появляется в процессе организации и осуществления правовых коммуникаций в социальной среде, в частности, общения, совместного решения общих дел. Отмечается, что «обобщение практики использования языка в социальном взаимодействии... разговорного стиля и письменных текстов может называться дискурс-анализом. Он может помочь в создании вторичной языковой среды между обучающими и обучаемыми во владении языком и достижении коммуникативных целей в разных контекстах» (Demo, 2001).

Юридический дискурс больше изучается в дисциплинах, не связанных с юриспруденцией, прежде всего в языкознании. Сравнительно реже можно встретить анализ дискурса в специальной юридической литературе, так как в российском праве это понятие является новым. Главное в юридическом дискурсе — это речевая коммуникативная практика в определенном обществе по вопросам функционирования государства и права. К языковым приемам исследования правового текста дискурс подключает формальную логику, стилистику, риторику и юридическую аргументацию.

В хорошей монографии Н.Г. Храмцовой дается следующее определение юридического дискурса, которое можно использовать в настоящей статье: «деятельностный рече-языковой процесс информационно-средового взаимодействия субъектов права в ситуации правовой коммуникации, предполагающий использование основных форм мышления в письменной и устной форме и зависящий от уровня правовой культуры, юридического опыта и потребностей субъектов правового общения» (Khramtsova, 2012:74).

Основные черты юридического дискурса, раскрывающие его сущностные свойства, трактуются в литературе неоднозначно. К их числу исследователи относят: «интеракциональность, адресность, адресатность, интенциональ-

ность, аргументативность, терминологичность, прагматичность, информативность, интерпретируемость» (Kolesnikova, 2006); «институциональность, перформативность, интертекстуальность» (Krapivkina, Nepomilov, 2014); «интертекстуальность, прецедентность» (Vorisoa, 2016). Большинство авторов признают институциональный характер юридического дискурса, который складывается в особой сфере общественной жизни — правовой, — и характеризуется собственной целью, функциями и средствами реализации языкового материала.

Среди небольшого числа юридических источников по данному вопросу нет ясности, как соотносится данное новое понятие с распространенным в российской теории права понятием юридической деятельности. По-видимому, они рассматриваются как взаимозаменяемые с точки зрения плюрализма взглядов на правопонимание, а также с учетом изменившихся представлений законодателя о методологических функциях юридической интерпретации: традиционный подход — это юридическая деятельность, модернизированный подход — это юридический дискурс, к тому же значение интерпретации в каждом подходе различное (узкое или широкое).

Практический интерес вызывает тема структурирования или схематического описания юридического дискурса. Например, в языкознании очень часто ссылаются на предложенный В.И. Карасиком схематический порядок рассмотрения дискурса: «участники, хронотоп, цели, ценности (в том числе и ключевой концепт), стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты, дискурсивные формулы» (Karasik, 2000:11). Не все названные элементы могут использоваться в праве непосредственно. Так, в учении об отечественной законодательной технике часто оперируют понятием стиля, а не жанра; вопросы употребления просторечной и клишированной речи в правовых текстах ставятся и рассматриваются в рамках проблемы юридического языка, а не дискурса.

Отдельные авторы применяют в своих работах и понятие структуры дискурса. Вместе с тем в плане выделения общей структуры целесообразно назвать три основных структурных элемента юридического дискурса, составляющие модель его научно-практического описания и объяснения. При этом сформулированные разными авторами элементы структуры юридического дискурса, отличающиеся от этой модели, имеют право на существование, но, по нашему мнению, будут сводиться к какому-либо одному из таких базовых элементов, как: 1) нормативный; 2) ситуационный; 3) интерпретационный.

Нормативный компонент юридического дискурса представляет собой абстрактную схему социального взаимодействия, определенную правовыми рамками (в языкознании — типовой сценарий коммуникативного события). Функционально данная схема проявляется в различных формах. В правотворчестве, главным образом, — это модель нормативного урегулирования общественных отношений, созданная с целью их внешней упорядоченной регламентации, правовой охраны и контроля со стороны субъектов публичной власти.

В правоприменении и юридической практике вообще — это фактически сложившийся «изнутри» порядок отношений, признанных в обществе, на предмет соответствия которому оцениваются разнообразные поступки субъектов права (микронорма практики). В доктринальном дискурсе — это общепринятость, широкое распространение, практически ориентированная конвенциональность. В правовом воспитании мы можем утверждать о существовании внутренней «личностной» нормы, связанной с критической оценкой самого себя и имеющихся знаний об окружающей действительности и стремлением изменить этот юридический мир. Нормативность юридического дискурса означает соблюдение определенных правил и образцов поведения.

Ситуационный компонент юридического дискурса характеризует «живое» состоявшееся в юридической практике коммуникативное событие (последовательность взаимосвязанных событий). Этот компонент не может быть строго отделен от нормативного аспекта дискурса, а возникает, как правило, на основе нормативного компонента. Он воплощается в фактических обстоятельствах (фабуле) дела, функционировании правового явления в месте «пересечения» конкретных потребностей или интересов, индивидуальном обучении праву, решении какого-либо юридического казуса. Однако ситуационный компонент может регулироваться не только идеальными нормативными структурами законодательства, но и нормами сложившейся практики: правовыми прецедентами, разъяснениями, государственно-правовыми обычаями и др. Иногда в рамках ситуационного компонента юридического дискурса проектируется нормативный образ новой познавательной и коммуникативной ситуации. Способом поведения интерпретатора в условиях нетипичного правоприменения (при пробелах в праве, устранении коллизий и дефектов правового регулирования) выступает *персональный (неинституционализированный) дискурс*. Он высказывается по такому вопросу, на который нормативный институциональный юридический дискурс ответа не дает.

Интерпретационный компонент юридического дискурса является объединяющим моментом между нормативным и ситуационным компонентами. В одном аспекте он выражен в познании и понимании нормативной составляющей дискурса, в другом представлен как пояснение, рассказ, трактовка случившегося события с позиции его участников или очевидцев конкретной правовой ситуации («судебный нарратив»). Поэтому перечень форм дискурсивной юридической интерпретации весьма широк: 1) интерпретация элементов правосознания; 2) интерпретация фактических обстоятельств дела и доказательств в процессе; 3) интерпретация нормативных и иных правовых текстов как создание «вторичных» текстов; 4) интерпретация поступков и действий и т.п. Например, М.И. Пантыкина считает, что «именно интенции индивидуальных правосознаний определяют сюжет и сценарий дискурса, позиции его участников» (Pantykina, 2017:47).

Широкое значение интерпретации в юридическом дискурсе проявляется в том, что ее нельзя рассматривать за рамками процесса построения текста. Как правильно пишет И.А. Мельчук, это единый двунаправленный процесс по модели «Смысл ↔ Текст», в котором построение текста — это текстуальное оформление созданного смысла, а интерпретация — это обратный переход от анализа текста к постижению его смысла. И тот, и другой этап сопровождается развитием глубинных и поверхностных морфологических и синтаксических структур, зависит от исходного контекста, но и способен модифицировать контексты в процессе смены дискурсов (Mel'čuk, 1997:7–38).

Со всеми вышеперечисленными компонентами юридического дискурса связана проблема *контекстуальности* юридической интерпретации, которая достаточно подробно анализируется в философской и правовой герменевтике. Подчеркивается, что человек — неотъемлемая часть правовой реальности, занимающий в ней позицию активного субъекта познания, поэтому в каком контексте правовой реальности действует данный субъект, это отражается в процессе и результате юридической интерпретации, игнорировать контекст интерпретации не представляется возможным. Думается, что юриспруденция работает в основном с тремя видами контекстов: 1) социальным, или историко-культурным; 2) внутрисистемным; 3) ситуационным.

Социальный, или историко-культурный контекст юридического дискурса выражается как внешняя социальная среда, в которой этот дискурс рождается и функционирует. Общим контекстом любой юридической интерпретации является культура данного общества в определенный исторический период. Особенно это заметно в процессе получения юридического образования в инокультурной среде. Лицо, изучающее иностранный язык, должно научиться не только разбираться с синтаксическими структурами предложений второго языка, знать грамматику и пополнять словарный запас, но и понимать логику того культурного контекста, в котором происходит обучение. «...То, что мы замечаем в окружающем мире и то, как мы это воспринимаем, кажется совершенно разным в разных культурах, в зависимости от приписанных им значений, и зависит от перцептивной системы отсчета наблюдателя» (Kaplan, 1966). В отечественном праве называются четыре фактора, входящие в понятие социально-исторического контекста права: «историческое прошлое, господствующая культура, состояние сфер общества, международное окружение» (Chestnov, 2014:72).

Внутрисистемный контекст юридического дискурса означает в широком смысле правовую систему государства, прежде всего систему действующего законодательства, в составе которого тексты нормативных актов обладают интертекстуальностью, т.е. способностью ссылаться друг на друга. Это означает обязательный учет иерархических и горизонтальных структурных связей между нормативными правовыми текстами по юридической силе актов, взаимное соотнесение сферы действия каждого акта, сравнительный анализ их

внешней формы, наименования и т.д. В процессе юридической интерпретации эти связи норм осмысляются с помощью отсылочного и бланкетного способов. Также внутрисистемный контекст проявляется в правоприменении через практику рассмотрения и разрешения данной категории дел, в доктрине — через анализ точек зрения ученых и степени разработанности конкретной научной проблемы и пр.

Ситуационный контекст юридического дискурса устанавливается путем описания и анализа единичной познавательной-коммуникативной ситуации, ее подробной характеристики: место, время, обстановка, средства и орудия, способы совершения преступления, автобиография создателя художественного правового текста, сбор и изучение эмпирических данных для научных исследований. Вместе с тем от ситуационного контекста необходимо отличать правовые ценности, идеи, взгляды, мнения и убеждения, жизненный опыт людей, составляющие понятие фоновых, «предпосылочных» знаний. Они выступают в качестве условий возникновения и развития юридических коммуникаций, в отличие от сопровождающих их контекстов, и в специальной литературе именуются *предсуппозициями*. Они также могут подлежать интерпретации, так как изменяются вслед за эволюцией социального контекста, и оба этих процесса взаимодействуют.

В силу коммуникативной и речевой природы юридический дискурс характеризуется *прагматическим компонентом*, т.е. субъективным отношением коммуникантов друг к другу и предмету сообщения: теме, событию или тексту (Parret, 1983:89 — 126). В теории речевых актов принято различать языковое значение высказывания (локуцию); цель или коммуникативное намерение отправителя сообщения (иллокуцию) и результат воздействия на адресата сообщения (перлокуцию) (Austin, 1962:100–113). Все три элемента содержатся в каждом речевом поступке и связаны с применением логических аргументов, экспрессивных средств выразительности мысли, репрезентативностью и информативностью обращения. Роль этого компонента велика в ораторском искусстве юриста: чтение лекций для массовой аудитории, произнесение речи в суде присяжных и т.д. Но именно с прагматикой юридического дискурса связан сложный вопрос о *субъективности* юридической интерпретации.

На наш взгляд, соотношение объективного и субъективного в интерпретации всегда соотносится с тематикой смысла, в нашем случае — дискурсивного смысла. В соответствии с современными постмодернистскими представлениями смысл подлежит постоянной деконструкции: сборке, разложению и конфигурированию, смысл — величина переменная. Однако мало кто акцентирует внимание на том, что данная трактовка смысла является общенаучной или философской, что допускает различные версии смысла для частных наук, в особенности для предметной области правоведения. Отказ от выделения постоянных констант в смысле права, например, ценностей, идей и норм права, может привести к разрушению целостности этого явления и блокировке его важней-

ших институциональных социальных функций: регулирование, контроль, защита. Поэтому в праве необходимо понятие «объективного».

Другое дело: что понимать в современной юриспруденции под «объективным»? Мы полагаем, что «объективное» в юридической интерпретации — это и 1) интерсубъективное: то, о чем субъекты юридического дискурса договорились (ибо интерсубъективное — это лишь другая терминология) и 2) то, о чем они не успели договориться, а также в силу эволюционного характера правового развития общества не могли договориться в момент интерпретации. Система реально сложившегося и функционирующего юридического дискурса опосредуется как нормативно заданным порядком деятельности людей в обществе, так и механизмами ситуационной адаптации к изменениям социального бытия. В силу этого «объективное» в интерпретации может включать в себя и контекст коммуникативного события, и пресуппозиции, и культурные традиции юридического прошлого и т.д.

В современном российском праве субъективность дискурсивной юридической интерпретации может быть ограничена следующими принципиальными путями: 1) законодательным установлением пределов должностного усмотрения при решении юридических дел; 2) своевременным и полным обобщением практики применения разных ситуаций; 3) повышением уровня правосознания, формированием знаний, умений и навыков эффективной интерпретации в ходе правовоспитательной и образовательной деятельности.

Тем не менее, субъективность юридической интерпретации неизбежна. Достаточно емко высказался по этому вопросу Э. Бетти, итальянский юрист и философ XX в. Он обратил внимание на антиномичность процесса любой интерпретации и писал: «С одной стороны, от интерпретатора требуется объективность, ведь повторное конструирование смысла смылосодержащих форм должно как можно точнее соответствовать их содержанию: поэтому данное требование — это требование добросовестного подчинения [интерпретатора смыслу]. С другой же стороны, это требование объективности может быть выполнено только благодаря субъективности интерпретатора, благодаря его способности осознавать обусловленность адекватного предмету понимания» (Betty, 2011:26).

Юридический дискурс может быть созидательным, когда он способствует социальной стабильности и прогрессу общества на основе конструктивного диалога людей, и разрушительным, когда он ведет к властному доминированию одних социальных групп и идеологическому манипулированию сознанием других (Hunston, 2005). В современном мире масс-медиа коммуникаций это явление крайне распространенное, и с ним трудно бороться. Но интересы сохранения общества как системы и его устойчивого развития влекут необходимость развития института гражданского диалога и общественных инициатив, которые представляются перспективными для российского общества. Важную роль в этом процессе призвана сыграть наука, которая помимо концептуализации

экономического и социального прогресса должна более глубоко понимать негативные тенденции развития, приводящие к росту различий между социальными классами, поддержанию реакционных элементов общества (Bernal, 1954). Социальный статус правовой науки быть выразителем общих интересов общества, ее движение в сторону общества возможно лишь на основе конструктивного юридического дискурса.

В связи с вышесказанным юридический дискурс отличается *диалогичностью* или в широком смысле *полилогичностью* интерпретации. Наряду с языковым информационным содержанием результатов интерпретации дополнительно нужно выделять ментально-психологическое содержание, которое объединяет участников определенной правовой коммуникации и формирует единое смысловое пространство, в котором они стремятся к пониманию друг друга. Однако для взаимного понимания недостаточно найти общие точки соприкосновения, а следует думать и говорить на понятном для «другого» языке, познать «чужое» как свое: понимать значит переводить (Ricoeur, 2004:50–51).

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в современном российском праве наблюдаются две основные концепции юридической интерпретации: языковая и дискурсивная. Они объединяются на основе понятия правового текста. В то же время между ними имеются весьма заметные различия. Дискурсивная концепция позволяет более широко взглянуть на доктринальные проблемы юридической интерпретации, не ограничиваясь только познанием с помощью языковых средств текстов права. В этой соотнесенности с любыми правовыми явлениями и направленности на освоение их многообразного смысла состоит качественное своеобразие юридической интерпретации как самостоятельного метода исследования права.

Но следует помнить, что для целей решения конкретных прикладных задач в законодательстве и правореализационной сфере языковая концепция интерпретации выглядит незаменимой. Она фиксирует исторически адекватный общий образ юридического дискурса в правовом тексте и символизирует традиционный подход, когда языковые приемы входят в специальный технико-юридический арсенал интерпретационной деятельности. Думается, что именно в единстве методологического и деятельностного аспектов должна изучаться юридическая интерпретация в современном российском праве как сложный и невероятно актуальный для юриста объект познания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Arutyunova, N.D. (1990), Diskurs [Discourse] In: *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Soviet encyclopedia, pp. 136–137. (in Russian).

- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 136–137.
- Austin, J.L. (1962), *How to do things with words*. Oxford, At The Clarendon Press. pp. 100–113. (in English).
- Bernal, J. (1954) *Science in History*. London, Watts & Co. Vol. 1, pp. 7–19. (in English).
- Betty, E. (2011), *Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o duhe* [Hermeneutics as a general methodology of the sciences of the spirit]. Moscow, «Canon + «ROOI «Rehabilitation», p. 26. (in Russian).
- Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 26.
- Borisova, L.A. (2016), *Juridicheskij diskurs: osnovnye harakteristiki* [Legal Discourse: Main Characteristics]. *Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda* [Language, Communication, and Social Environment]. (14), pp. 133–151. (in Russian).
- Борисова Л.А.* Юридический дискурс: основные характеристики // *Язык, коммуникация и социальная среда*. 2016. № 14. С. 133–151.
- Chernobel, G.T. (2011), *Tekhnika zakrepleniya normativno-pravovyh modusov* [Technique of securing regulatory modes] In: Vlasenko, N.A. (ed.) *Normotvorcheskaya yuridicheskaya tekhnika* [Normative law technique]. Moscow, Yustitsinform, pp. 123–131. (in Russian).
- Чернобель Г.Т.* Техника закрепления нормативно-правовых модусов // *Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко*. М.: Юстицинформ, 2011. С. 123–131.
- Chestnov, I.L. (2014), *Kriticheskij diskurs-analiz kak metod postklassicheskoy teorii prava* [Critical Discourse Analysis as a Method of the Post-Classical Theory of Law]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. Seriya: Yuridicheskie nauki [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Jurisprudence]. 13 (1), pp. 67–74. (in Russian).
- Честнов И.Л.* Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права // *Вестник Московского городского педагогического университета*. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (13). С. 67–74.
- Demo, Douglas A. (2001), *Discourse Analysis for Language Teachers*. Washington, Center for Applied Linguistics. Available from: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.537.728&rep=rep1&type=pdf> [Accessed 30th April 2019].
- Fairclough, N. (2003), *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London and New York, Routledge, pp. 18–38. (in English).
- Golev, N.D. (2015) *Yuridicheskaya terminologiya v kontekste doktrinal'nogo tolkovaniya* [Legal terminology in the context of doctrinal interpretation]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. (4), pp. 138–148. Available from: doi: 10.17223/18137083/53/15. (in Russian).
- Голев Н.Д.* Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // *Сибирский филологический журнал*. 2015. № 4. С. 138–148.
- Gryazin, I.N. (1983), *Tekst prava (opyt metodologicheskogo analiza konkuriruyushchih teorij)* [Text of the law (the experience of the methodological analysis of competing theories)]. Tallinn, Eesti Raamat Publishing House, p. 156. (in Russian).
- Грязин И.Н.* Текст права (опыт методологического анализа конкурирующих теорий). Таллин: «Ээсти Раамат», 1983. С. 156.
- Halperin, I.R. (2006), *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. 4nd ed., stereotypical. Moscow, KomKniga, pp. 8–26. (in Russian).
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. С. 8–26.

- Hunston, S. (2005), Conflict and consensus: Construing opposition in Applied Linguistics In: Tognini-Bonelli, E., del Lungo Caniciotti, G. (ed.) *Strategies in academic Discourse. Studies in Corpus Linguistics*, 19. Amsterdam, John Benjamins Publishing, pp. 1–15. (in English).
- Kaplan, R.B. (1966), 'Cultural thought patterns in intercultural education' in *Language Learning*. Vol. 16 (1–2), pp. 1–20. (in English).
- Karasik, V.I. (2000), О типах дискурса [On types of discourse]. In: Karasik, V.I., Slyshkin, G.G. (ed.) *Yazykovaya lichnost': insti- tucional'nyj i personal'nyj diskurs. Sbornik nauchnyh trudov* [Language personality: institutional and personal discourse. Collection of scientific papers]. Volgograd, Peremena, pp. 5–20. (in Russian).
Karasik V.I. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
- Khrantsova, N.G. (2012), *Diskurs-pravovoj analiz: ot teorii k praktike primeneniya*. Monografiya [Discourse-legal analysis: from theory to practice of application. Monograph]. Kurgan, Publishing house of Kurgan State University, p. 74. (in Russian).
Храмцова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Монография. Курган: Изд-во Курганского государственного. университета, 2012. С. 74.
- Kolesnikova, L.V. (2006), *Semioticheskie parametry juridicheskogo diskursa* [The Semiotic Parameters of Legal Discourse] In: Ryadchikova, E.N. (ed.) *Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznanija i literaturovedeniya: Materialy 5-j mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh, Krasnodar, 28 aprelya 2006 g.* [Actual Problems of Modern Linguistics and Literary Studies: Materials of the 5th International conference of young scientists, 28 April 2006, Krasnodar, Russia]. Krasnodar, KubSU, pp. 175–178. (in Russian).
Колесникова Л.В. Семиотические параметры юридического дискурса // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Материалы 5-й международной конференции молодых ученых, Краснодар, 28 апреля 2006 г. / отв. ред. Е.Н. Рядчикова. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2006. С. 175–178.
- Krapivkina, O.A., Nepomilov, L.A. (2014), *Juridicheskij diskurs: ponjatie, funkicii, svojstva*. [Legal Discourse: Concept, Functions, Properties]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian Scientific Research]. 37 (9), pp. 102–105. (in Russian).
Крапивкина О.А., Непомиллов Л.А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9 (37). С. 102–105.
- Mel'čuk, I.A. (1997), *Vers une linguistique Sens-Texte. Leçon inaugurale*. Paris, Collège de France. (in French).
- Morris, Ch. (1983), *Osnovaniya teorii znakov* [The Foundations of the Theory of Signs]. Translated from English by Murat, V.P. In: Stepanov, Yu. S. (ed.) *Semiotika: sbornik perevodov* [Semiotics: a collection of translations]. Moscow, Rainbow, pp. 37–89. (in Russian).
Моррис Ч. Основания теории знаков / пер. с англ. В.П. Мурат // Семиотика: сборник переводов / под общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга. 1983. С. 37–89.
- Neustroyev, K.S. (2018), *Fenomen semanticheskoy neopredelennosti v juridicheskom tekste: kontekst, pragmatika, interpretaciya* [The phenomenon of semantic uncertainty in a legal text: contexts, pragmatics, interpretation]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Journal of Humanities]. Vol. 7. 22 (1), pp. 113–116. (in Russian).
Неустроев К.С. Феномен семантической неопределенности в юридическом тексте: контекст, прагматика, интерпретация // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 113–116.

- Pantkyina, M.I. (2017), Diskurs-analiz v issledovanii individual'nogo pravosoznaniya [Discourse analysis in the study of individual sense of justice]. Pravovedenie [Jurisprudence]. 330 (1), pp. 28–51. (in Russian)
Пантыкина М.И. Дискурс-анализ в исследовании индивидуального правосознания // Правоведение. 2017. № 1 (330). С. 28–51.
- Parret, H. (1983), Semiotics and pragmatics. An evaluative comparison of conceptual frameworks. Amsterdam, John Benjamins publishing. (in English).
- Ricoeur, P. (2004), Sur la traduction. grandes difficultes et petits bonheurs de la traduction. Paris, Bayard. (in French).
- Suslov, V.A. (2014), Teoreticheskie aspekty realizacii principa edinoobraziya v sfere pravoprime-neniya [Theoretical aspects of the implementation of the principle of uniformity in the field of law enforcement]. Pravovedenie [Jurisprudence]. 312 (1), pp. 55–65. (in Russian).
Суслов В.А. Теоретические аспекты реализации принципа единообразия в сфере правоприменения // Правоведение. 2014. № 1 (312). С. 55–65.
- Syrykh, V.M. (2014), Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: uchebnik [History and methodology of legal science: a textbook]. Moscow, Norma: INFRA-M. (in Russian)
Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
- Turanin, V.Yu. (2018), Fenomen yuridicheskoy terminologii [The phenomenon of legal terminology]. Moscow, Yurlitinform. (in Russian).
Туранин В.Ю. Феномен юридической терминологии. М.: Юрлитинформ, 2018.
- Van Dijk Teun, A. (1977) Text and Context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London and New York, Longman. (in English).
- Vlasenko, N.A. (2014), Konkretizaciya v prave: metodologicheskie osnovy issledovaniya [Concretization in law: methodological basis of research]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]. 211 (7), pp. 60–75. Available from: doi: 10.12737/4825 (in Russian).
Власенко Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7 (211). С. 60–75.
- Vlasenko, N.A. (2011), Tekhnika podgotovki teksta normativnogo pravovogo akta [Technique of preparation of the text of a normative legal act] In: Vlasenko, N.A. (ed.) Normotvorcheskaya yuridicheskaya tekhnika [Normative law technique]. Moscow, Yustitsinform, pp. 85–89. (in Russian).
Власенко Н.А. Техника подготовки текста нормативного правового акта // Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко. М.: Юстицинформ, 2011. С. 85–89.

Сведения об авторе:

Гаврилова Юлия Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Институт права Волгоградского государственного университета

ORCID ID: 0000-0002-8055-4710

Контактная информация:

e-mail: gavrilova_ua@volsu.ru

Для цитирования:

Гаврилова Ю.А. Юридическая интерпретация в российском праве: единство методологического и деятельностного подходов // Вестник Российского университета дружбы

народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 2. С. 200–218. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-200-218.

Дата поступления в редакцию: 05 мая 2019 г.

Дата принятия к печати: 30 мая 2019 г.

LEGAL INTERPRETATION IN RUSSIAN LAW: THE UNITY OF THE METHODOLOGICAL AND ACTIVITY APPROACHES

Yulia A. Gavrilova

Volgograd State University
Law Institute

100, Universitetsky ave., Volgograd, Russia, 400062

The problem of legal interpretation in Russian jurisprudence is characterized by an extremely wide range of opinions: from formally dogmatic to postmodern. Every scientist tries to see in the interpretation something «his own». A number of scientists believe that it is possible to discuss the terminology of the question, in particular, the distinction between «interpretation» and «explain». Others consider that the purpose of studying the interpretation is to find the best ways to understand the laws published in the state. For the third, the interpretation is interesting in that it lies at the basis of the discretion of officials in the course of practical work on resolving legal disputes, and this raises questions of the limits of interpretation. For the fourth, the interpretation has the status of an ideological toolkit for solving social problems, for example, in constitutional judicial proceedings. The current doctrinal state of the interpretation problem lags behind the needs of legislation and legal regulation practice. Therefore, the changes in the passport of a scientific specialty 12.00.01 — the theory and history of law and the state; the history of the doctrine of law and the state, which singled out the legal interpretation as an independent method of the study of law, requires due scientific attention.

The purpose of the article is to give the author's a generalized idea of the place and meaning of legal interpretation in modern Russian law on the material of available scientific literature. Research methods: formal legal, analysis and synthesis, modeling, extrapolation.

The results of the study. The age-old disputes over legal interpretation among scholars and practitioners lawyers, philosophers, politicians are explained by the polysemy of the term «interpretation», which allows considering it, according to the author's article, in two fundamental meanings: narrow and broad. In a narrow linguistic sense, interpretation is a combination of linguistic methods for analyzing legal texts. In a broadly discursive sense, interpretation is perception, translation (decoding) and extracting the meaning of any legal phenomena. Separately highlighted are the methodological and activity aspects of this problem, focusing respectively on modern approaches to interpreting the phenomena of the entire legal life of society, as an integral part of legal discourse, and traditional approaches to interpretation as special activities aimed at understanding the meaning of textually fixed legal norms using special technical-legal means. It is concluded that the generalized consideration of legal interpretation in modern Russian law is necessary in the unity of the methodological and activity aspects.

Key words: legal interpretation, law research methodology, activity approach, legal text, legal language, communication, speech, legal discourse, sense of law

Information about the author:

Yulia A. Gavrilova — Candidate of Legal Science, Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of Law and the State, Law Institute, Volgograd State University

ORCID ID: 0000-0002-8055-4710

Contact information:

e-mail: gavrilova_ua@volsu.ru

For citation:

Gavrilova, Yu.A. (2019), Legal interpretation in russian law: the unity of the methodological and activity approaches. RUDN Journal of Law. 23 (2), pp. 200–218. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-200-218.

Article received May 05, 2019

Article accepted May 30, 2019